

УДК 17.01 + 17.02

Идентичность университета: удерживать или менять?

Аннотация. Современный российский университет оказался в стремительном разномодном трансформационных процессов. С одной стороны – вызовы эпохи, обусловленные глубокими структурными и функциональными переменами в обществе (глобализация информационных процессов, технологический прорыв в коммуникациях, развитие экономики знаний). С другой – на протяжении не одного десятилетия он подвергается перманентному реформированию. Направленные на то, чтобы вписать российский университет в ключевые тенденции развития высшего образования в современном мире, реформы образования фундаментально недофинансированы, не обеспечены интеллектуально и организационно. Нерешаемость поставленных задач при заданных объективных условиях ведет к углублению обособления между разными группами внутриуниверситетского сообщества, в первую очередь – профессорско-преподавательским составом и администрацией, что становится предпосылкой появления разных групп интересов и, соответственно, дифференциации субъектов идентичности университета. Идентичность как одной, так и другой группы содержит разные векторы, связанные со статусом университета и его перспективами. Таким образом, идентичность университета представляет собой многоаспектный феномен, некоторые элементы которого в ходе трансформаций заслуживают удержания, а некоторые – нуждаются в перемене. Чтобы встать вровень с вызовами времени, университет должен решиться на комплексную реидентификацию.

Ключевые слова: идентичность университета, технологическая революция, экономика знаний, реформа образования, отчуждение во внутриуниверситетском сообществе.

В комплексе вопросов, предложенных главным редактором для обсуждения в данном номере «Ведомостей прикладной этики», выделяется вопрос об «удержании идентичности университета» и роли в этом профессуры.

Это принципиальный вопрос – стоит ли сегодня перед университетами задача удержания идентичности? А затем, конечно, другие: о какой идентичности идет речь, что требует удержания, что заслуживает этого? Так, весной резкую критику в широких академических кругах вызвала келейно подготовленная инициатива ректора Московского университета им. М.В. Ломоносова перевести факультеты в формат школ с целью придания МГУ ускорения. Нельзя исключать,

хотя определенно об этом никто не знает, что школы эффективнее факультетов. Пафос критики этой затеи, помимо того, что коллективу старейшего российского университета без всяких обсуждений навязывалась новая конфигурация, в том, что в результате такой реформы МГУ мог лишиться своего лица, утратить традиционную идентичность. Такая смена формата, легко прошедшая, как это кажется многим наблюдателям, в молодом университете – Высшей школе экономики, могла стать более чем болезненной для уходящего корнями в историю МГУ.

Школа или факультет – это по большому счету эстетический вопрос, между тем как предъявленная нам для обсуждения тема удержания идентичности университета касается не столько структуры и форм организации его, сколько социальной и культурной миссии, той роли, которую он играет в обществе. Понятно, что, с точки зрения общества, на первом плане – задача университета по обеспечению производства и воспроизводства знаний, эстафеты поколений, поддержания традиций, содействие новациям и т.п. Это то, что в наибольшей степени отвечает функциональной специфике университета [5]. В университете должны быть достаточные условия для полноценной подготовки специалистов, обладающих профессиональными и социальными компетенциями, достаточно подготовленных для их применения в меняющейся информационной и профессиональной (производственной, деловой) среде. Помимо приоритетной образовательной функции, университеты выполняют и ряд других, среди которых самая важная – поддержание социальной стабильности, условий общественной и культурной ангажированности молодежи. Что касается последнего, эту функцию университеты выполняют вполне удовлетворительно самим фактом своего существования. Но это не специфическая для них задача, и можно предположить, что в условиях усиления социально-экономической динамики общества, повышения индексов деловой активности, появления привлекательных рабочих мест университеты эту задачу просто утратят. Гораздо существеннее, насколько университеты справляются со своей основной функцией, насколько они способны задавать высокий уровень образования, соединять воспроизводство знаний (главным образом посредством их трансляции новым поколениям) с социально-экономической активностью, обращать знания в триггеры инновационных процессов.

В словах о необходимости и возможности «удержания идентичности» слышатся тревога и горечь, которые очевидно порождены тем

неоднозначным опытом¹, который уже не одно десятилетие переживают российские университеты в связи с дрящимися реформами в образовании, к тому же дополненные и реформой в управлении образованием. Прошедшие и проходящие реформы расцениваются профессурой и обществом по большей части негативно: они воспринимаются как деструктивный по отношению собственно к процессам обучения фактор: направленные по замыслу на реорганизацию образовательного процесса и поддерживающих его структур, они, по мнению профессуры, на самом деле оборачиваются его дезорганизацией – сокращению часов на фундаментальные дисциплины, на внеаудиторную работу, а вместе с тем, увеличение аудиторной нагрузки преподавателей, физического лишения их времени для самостоятельных занятий, не говоря об исследовательской работе.

Реформы насущны, и это очевидно. Во-первых, необходимо было привести управление и функционирование университетов в соответствие с новыми социально-экономическими и политическими реалиями. Во-вторых, реформы направлены на повышение качества образования и, с более общей точки зрения, эффективности функционирования университетов. Они призваны активизировать деятельность в приоритетных для каждого типа университета направлениях, способствовать, независимо от типа университета, развитию студенто-ориентированного обучения с использованием современных информационных технологий, в том числе дистантного и сетевого взаимодействия, стимулировать высокую результативность научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы [1, 77–78].

По большому счету, реформы образования должны позволить российским университетам вписаться в ведущие тенденции развития высшего образования в современном мире. Эти тенденции определяются глубокими переменами, происходящими в обществе (в разных национальных обществах со своими особенностями), связанными с глобализацией информационных процессов, их кардинальным технологическим переоснащением, развитием «экономики знаний» [9]. Если в индустриальном обществе знания, по мере включения в производственные процессы, становились все более важным производственным фактором – непосредственной производительной силой, но тем не менее оставались вспомогательным моментом производственной, шире – экономической активности, то в новой экономике знания – все более важный ресурс производственной активности.

¹ В настоящей статье все обсуждение проводится в перспективе российского опыта, с преимущественным вниманием к университетам регионального уровня.

Беспрецедентно повышается значение интеллектуальной компоненты производства. Более того, производство знаний становится отдельной отраслью хозяйства. Знания приобретают направленно прикладной характер. Они могут капитализироваться. Формируется потребность в так называемом «кодифицированном» знании, т.е. в формате, максимально пригодном для непосредственного целевого применения вырабатываемого знания. Все это требует специалистов, способных производить такое знание и воспринимать его, оперативно применяя на практике. Эти специалисты вместе с тем должны быть способны управлять процессами распределения и перераспределения знаний, адаптируя их к конкретным хозяйственным задачам, к условиям партнерского и конкурентного взаимодействия с различными агентами в поликультурном контексте [10, 42, 70, 227]. В информационном обществе знаниевые ресурсы децентрализуются. Это освобождает людей от жесткой привязанности к локализованным информационным источникам и создает условия не только для сетевого распространения информации, но и для сетевого предоставления образовательных услуг, сетевого проведения коллективных исследований [4, 145–168].

Все эти перемены в характере знания, его роли в обществе и способах перераспределения беспрецедентны по силе вызова университетам, которые традиционно были центрами воспроизводства знаний. Опыт и развитых, и развивающихся стран свидетельствует о все возрастающей роли университетов в процессах социально-экономического развития [8, 215–234]. Это оказывается возможным благодаря тому, что университеты решаются на перемены, осуществление которых становится возможным благодаря начавшимся подвижкам в идентичности и которые, конечно, сопровождаются переменами в идентичности. Попытки «удержания идентичности» могут оказаться оборотной стороной социальной ригидности, профессионально-институционального консерватизма.

Для российских университетов проблема заключается в том, что руководящие и надзорные органы связали реформы образования с «оптимизацией» внутренней структуры университета и системы управления, практический смысл которой для преподавателей оказался сведенным к сокращению реального финансового обеспечения их образовательной и научной деятельности.

Оптимизация, так или иначе понимаемая, но в целом состоящая в изменении структуры, организации, функционала университета в целях экономии бюджетных средств – один из трендов современной образовательной политики во многих странах, и через нее воплощается все большая коммерциализация сферы образования.

Во многих странах университеты в условиях финансовых ограничений обретают большую самостоятельность, получая более широкие полномочия в определении как стратегии развития, так и выбора ресурсов, партнеров, форм сотрудничества, моделей предоставления образовательных услуг и т.д. [6, 7–9]. К сожалению, этого нельзя сказать о российских университетах, в управлении которыми со стороны государства определяющими стали формально-бюрократические и авторитарно-командные методы [2, 123].

При этом жесткий менеджеристский этос распространился на внутриуниверситетское управление. Весь комплекс регуляторов² деятельности ректора направлен на поддержание его статуса уполномоченного министерства и региональной администрации, а не представителя профессорско-преподавательского корпуса, выразителя его интересов. Соответственно ректор, ориентирующийся на руководящие и надзорные органы, относится к профессорам и преподавателям, в первую очередь, как к наемным работникам, предоставляющим образовательные услуги, и далеко не всегда – как к профессионалам, носителям знаний и опыта.

Да и в целом сложившийся режим преподавательского труда вынуждает современного российского преподавателя университета на самоидентификацию в качестве «наемного работника», т.е. трудящегося за плату. Речь идет об увеличении аудиторной нагрузки, о снижении норм оплаты внеаудиторной работы со студентами, необходимости вести занятия не только по своей специальности, но по широкому тематическому спектру, далекому от специализации преподавателя. К этому следует добавить усиливающуюся формализацию преподавательской деятельности, обременение ее бессмысленной, по восприятию преподавателей, бумажной работой. А также сокращение времени на самостоятельные исследования, как научные, так и педагогические. Эти негативные моменты преподавательского труда усугубляются, когда приходится браться за подработку по совместительству, с почасовой, как правило, низкой оплатой труда, вынужденно приемлемой в условиях невысоких средних заработков. Такой режим работы является тяжким фактором усечения пространства свободы, утраты чувства профессиональной автономии. Он обрекает на профессиональную маргинализацию, размывание корпоративно-университетской и научно-профессиональной идентичности.

Реформы в университетах соединены с «оптимизацией» столь тесно, а последняя проводится столь жестко, что подчас кажется, что реформы объявлены и проводятся ради «оптимизации» – ради эко-

² Среди них не последнее место занимают финансовые регуляторы.

номии бюджетных средств, направляемых на образование. Как самое простое, понятное и привычное для российских государственных умов, экономия проводится за счет трудящихся, в данном случае преподавателей – посредством усиления их эксплуатации, осуществляемого в прямых и косвенных формах. В литературе совершенно справедливо отмечается, что «трудовые отношения в российских вузах становятся похожими на отношения в коммерческих организациях»; это деморализует университетские сообщества и наносит окончательный удар по университетской демократии, сложившейся, пусть и в незавершенной и несовершенной форме, в 1990-е годы [2, 132].

Как видно из пунктирно представленной здесь ситуации университета, идея «идентичности университета» нуждается в уточнении со стороны субъекта (субъектов) идентичности и со стороны ее предмета (предметов).

Всегда существовавшая в тех или иных латентных формах обособленность внутри университетских сообществ – между рядовым профессорско-преподавательским составом, шире – трудовым коллективом в целом, и руководством университета приняла в результате изменения принципов управления университетами³ явный и никак не камуфлируемый характер. В обществе профессор воспринимается как фигура, представляющая или даже олицетворяющая университет, но этот образ уже давно не соответствует действительности. Профессора не безмолвны, но они и не слышимы. В официально-публичном пространстве университет репрезентирован не профессором, а ректором, другими представителями администрации университета, а если в отдельных случаях профессором, то только в соответствии с полномочиями, определенными по отношению к конкретной ситуации ректором. Показательны в этом смысле недавние попытки надзорных органов ввести регламент, согласно которому профессора не имеют права даже давать интервью СМИ без благословения ректора. Эти попытки пока не реализованы, но сам факт их появления, пусть пока, возможно, только в качестве «зондажа» общественного мнения, красноречиво свидетельствует о существующем векторе мысли в государственных головах. Как «субъектность» университета не персонифицирована в профессоре, так и не через фигуру профессора происходит идентификация университета. В

³ Наиболее разрушительным с точки зрения нравственно-психологической стабильности университета (впрочем, это касается и других видов бюджетных организаций) стало введение в 2008 г. новой системы оплаты труда [3].

официально-публичном пространстве как пространстве, опосредованном государственной властью, идентичность университета задается ректоратом в соответствии с задачами, поставленными руководящими и надзорными государственными органами. В образовательной деятельности и научно-исследовательской работе профессора в значительной мере сохраняют качество «субъектности» на уровне содержания. Но на уровне целеполагания и стратегического планирования образовательной и научной деятельности это качество обнаруживается в ослабленном (в разных университетах в разной степени), а то и нивелированном виде.

Идентичность профессора двойка. С одной стороны, он идентифицирован научно-профессионально. По давним университетским традициям, профессор – служитель знания. «Знание ради знания», которым обладает профессор, предназначено для передачи студентам. Ситуация служения знанию ради знания формирует чувство внутренней независимости, свободы по отношению к внешним факторам и мотивам деятельности, пусть эта ситуация так или иначе и опосредована различными прагматически обусловленными обстоятельствами, например, целеориентированностью образовательного процесса, подотчетностью профессиональной активности распорядку, задаваемому университетской администрацией и т.п. Чем больше профессор погружен в профессиональную деятельность, в особенности, имеющую значимые объективированные результаты в виде публикационной активности, зарегистрированных научных открытий, запатентованных изобретений, да и просто признания коллег, профессионального сообщества, тем сильнее он чувствует свою самодостаточность. Однако профессиональная автономия может оборачиваться профессиональным консерватизмом. Поэтому важно, чтобы профессор не преувеличивал ее значения, и мог критически относиться к себе и своим профессиональным достижениям, а также своей автономии, обеспечиваемой этими достижениями [7].

С другой стороны, профессор обладает корпоративной идентичностью, определяемой его принадлежностью к университету. В идеале, профессор идентифицирован с университетом в своем собственном качестве – служителя знания, уверенного в признании себя в качестве такового, что поддерживается разными внутриуниверситетскими традициями, установлениями и стандартами. Его идентичность с университетом подкрепляется научно-дисциплинарной идентичностью в качестве исследователя, знатока в своей области, наверняка члена профессиональных сообществ, которые также пользуются признанием и уважением. В частности, потому, что они выступают хранителями и проводниками академических ценностей как

основы репутации членов профессионального сообщества [11, 168–169]. И помимо профессиональных сообществ есть инструменты для поддержания академических ценностей, что тем более важно в условиях слабой развитости и недостаточной внутренней стойкости таких сообществ в современной России. С одной стороны, ценности задаются самими профессионалами посредством профессиональной и публичной коммуникации, а с другой – они подкрепляются в известной мере и надзорными органами государства, привлекающими в качестве экспертов представителей академического сообщества. Это сотрудничество не всегда протекает гладко и последовательно, но оно все же имеет место и, несмотря на противоречия, дает важные плоды.

Корпоративная идентичность связана с профессиональной и опосредована ею: профессор востребован университетом как носитель знания, как эксперт в своей области. Вне университета и без лояльности целям университета профессор не имеет возможности реализовать себя в качестве профессионала. Он и признан в качестве профессионала, будучи профессором университета. Университет имеет рычаги для подкрепления корпоративной идентичности профессора. Например, надбавки к зарплате за длительный стаж работы в данном университете или поощрение разного рода преференциями, материальными или идеальными, среди которых могут быть издание книги в университетском издательстве или протекция в публикации в университетском журнале «своим», университетским авторам за счет внешних авторов (что, надо признать, возможно лишь при отключении научных критериев отбора статей для публикации) и т.д. Корпоративная идентичность так же, как и профессиональная может содержать в себе консервативные, а то и ретроградные компоненты.

В то же время, между лояльностью университету и лояльностью профессии имеются различия, порой напряженные. С одной стороны, именно в качестве профессионалов многие профессора не приемлют те негативные тенденции, которые все более заметны сегодня в российских университетах – пренебрежение академическими ценностями, гуманистическими основами сотрудничества, коллегиальности, им претит беспрецедентное нарастание бюрократизма, формализма, начетничества. С другой стороны, корпорация в лице ректората может быть более реактивной, чем профессия в лице профессоров, в отношении социальной динамики. Университет выступает гораздо более активным агентом в социальной среде, участником региональных деловых взаимодействий, стороной многостороннего социального контракта. Университет как корпорация выступает и ус-

ловием повышения научной активности, например, добиваясь заказов на актуальные научно-технологические разработки. Правда, заказы такого рода могут требовать перестройки продолжающихся программ НИР, разработанных в соответствии со сложившимися научными интересами кафедр и лабораторий, а профессора в силу приверженности традиционной деятельности, инерции, профессионального консерватизма могут выступать сдерживающим фактором. По тем же причинам они могут быть против внедрения новых учебных дисциплин в программу обучения или новых методов преподавания в образовательный процесс. Разногласия в такого рода вопросах возникают, как правило, вследствие указанной выше обособленности между ректоратом и профессорско-преподавательским составом, отсутствия доверия между ними.

Таким образом, вопрос об «удержании идентичности университета» неоднозначен. Университет неоднороден, в нем сосуществуют разные группы интересов, каждая из которых выступает особым субъектом идентичности. В проведенном обзоре не затрагивался вопрос о внутренней неоднородности внутри профессорско-преподавательского состава, обусловленной образовательными, культурными, возрастными различиями, а, стало быть, и по-разному протекающими процессами идентификации. Какие-то аспекты идентичности университета подлежат удержанию и активной защите, с какими-то надо безоглядно расставаться, не страшась реидентификации и даже решительно настаивая на ней.

Список литературы

1. Бурцева О.С., Стукен Т.Ю., Лапина Т.А. Политика развития региональных университетов // Современный университет между глобальными вызовами и локальными задачами / Под ред. Д.В. Козлова, Н.Г. Малошонок. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 77–81.

2. Курбатова М.В., Каган Е.С., Апарина Н.Ф. Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: Проблема выбора // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 123–134.

3. Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных и казенных учреждений и федеральных государственных органов...» // URL: <http://base.garant.ru/193695/> (дата обращения 01.05.2020).

4. *Harries S.* Records Management and Knowledge Mobilisation: A Handbook for Regulation, Innovation and Transformation. Oxford: Chandos, 2012. xiv+275 p.

5. *Hrubos I.* The Changing Role of Universities in Our Society // *Society and Economy*. 2011. Vol. 33. № 2. P. 347–360.

6. *Johnstone D.B., Marcucci N.P.* Worldwide trends in higher education finance: Cost-sharing, student loans and support of academic research. (UNESCO's Higher Education Commissioned Paper Series). UNESCO, 2007. 37 p.

7. PASE Recommendation 1762 (2006) Academic Freedom and University Autonomy. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/XrefXML-2HTML-en.asp?fileid=17469&lang=en> (Просмотр 01.05.2020).

8. *Trani E.P., Holsworth R.D.* The Indispensable University: Higher Education, Economic Development, and the Knowledge Economy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 281 p.

9. *Unger R.M.* The Knowledge Economy. London: Verso Books, 2019. 304 p.

10. *Universities in Transition: The Changing Role and Challenges for Academic Institutions* / Eds. B. Göransson, C. Brundenius. Ottawa: Springer, 2011, 366 p.

11. *Whitchurch C.* Convergence and Divergence in Professional Identities // *Academic and Professional Identities in Higher Education: The Challenges of Diversifying Workforce* / Eds. G. Gordon, C. Whitchurch. New York: Routledge, 2010. P 167–184.